

Я сижу в маленькой комнате — максимум пятнадцать квадратных метров — в квартире Чеслава Немена на пятом этаже старого дома на улице Нецадой. Милостивая Малгожата, жена Чеслава, угощает нас чаем с домашней наливкой. Обстановка уютная, но скромная, никакой роскоши (по-настоящему «роскошны» у Немена лишь инструменты и аппаратура усиления).

Вблизи Немен совершенно не похож на «суперзвезду». В нем ни грамма позерства. Он терпелив, уступчив. Это человек, много думающий, стремящийся во всем разобраться сам, дойти до самой сути...

Говорит неторопливо, голос мягкий, певучий, с чуть заметной хрипотцой. Мы начали говорить по-польски, но Немен тут же перешел на русский:

— Нет, нет, давайте говорить по-русски, мне так редко удается поговорить на этом языке. Извините только, что я вдруг забуду какое-нибудь слово. Я ведь уехал из России семнадцать лет назад. Но свою родину я никогда не забываю: это Василиски, местечко в Белоруссии. Там я родился, там окончил школу. Я был тогда влюблен в поэзию, был насквозь пропитан Пушкиным и Лермонтовым... Позже я узнал и полюбил польских поэтов, но моя первая страсть — а такое остается навсегда — это русская поэзия...

— А музыка?

— Ну, можно считать, что семья моя имела к ней прямое отношение: отец был настраивщиком роялей. У меня был в детстве довольно звонкий альт, я пел в детском хоре, а пятнадцать лет поступил в Гродненское музыкальное училище по классу домры. Что мне тогда нравилось? Наверное, та музыка, которая звучала вокруг — песни военных лет, народные песни — русские, украинские и белорусские. По радио передавали много армянских и азербайджанских мелодий: так я стал «закоренелым» любителем Бюль-Бюль-оглы и Рашида Бейбутова, песен Андрея Бабаева. Слышали

ЗНАКОМЫЕ ГОЛОСА

Имя Чеслава Немена хорошо известно советским любителям песни. Артист мирового класса, Немен создал в польской эстрадной музыке целое направление — назовем его «романтическим». Сегодня мы печатаем с сокращениями заметки музыковеда Аркадия Петрова о польском музыканте Чеславе Немене, которые были опубликованы в журнале «Клуб и художественная самодеятельность».

электронные симфонии Чеслава Немена

мою пластинку 1973 года «Русские народные песни»? Она вышла в ФРГ, но сейчас перепечатана в Польше; среди русских и украинских мелодий там есть и «Колыбельная» Бабаева, которую я пою немало жечко «под Бейбутова».

В 1958 году моя семья решила переселиться в Польшу. Мне тогда было девятнадцать лет.

В Гданьске я поступил в музыкальное училище. Был принят в класс фагота. Хороший инструмент, до сих пор люблю его тембр. Но фаготиста из меня не вышло, так как в это время я уже стал петь в студенческой самодеятельности — сначала в дуэте и трио, потом соло.

Переломным стал для меня 1962 год. На первом фестивале молодых талантов в Щецине я попал в «золотую десятку». После конкурса меня пригласил сотрудничать ансамбль «Небеско-чарны». С этой группой я проработал четыре года. Начал писать для нее песни.

В 1963 году я исполнял самбы и шейки, и это было модно. Но я почувствовал, что больше не могу петь это. Я стал изучать песни «фламенко», «соул», блюз, спиричуэле. Это была живая музыка с элементами импровизации — в ней поощрялась свобода выдумки, можно было немного менять мелодию, делать более дробным ритм, вводить «от себя» голосовые «росчерки»...

Моя исполнительская манера окончательно сложилась к 1966—1967 годам. В это время я почувствовал, что мне тесно в рамках обычной эстрадной песни...

Немена тянет в сторону большей серьезности музыки и слов, к раздумьям о смысле жизни. Он почти полностью отказывается от услуг современных «поэтов-песенников» и начинает использовать классическую поэзию. Его излюбленным автором становится Циприан Норвид.

Отказывается Немен и от трехминутного звукового стандарта. Его песни звучат

пять, восемь, двенадцать и больше минут. Да и не песни это — скорее вокально-инструментальные поэмы.

Масштабность композиций подобного рода заставляет его искать новые инструменты и новые, необычные краски. В его ансамбль приглашаются джазовые виртуозы, в частности, саксофонист Збигнев Намысловский. На деньги, заработанные во время зарубежных гастролей, приобретают синтезаторы, микрофоны, усилители, микшерский пульт — аппаратуру, которая позволяет Немену начать эксперименты с искусственным (смонтированным) звуком.

Имя Чеслава Немена за последние два-три года все чаще можно встретить в титрах кинофильмов, в театральных постановках, где он выступает уже не в качестве певца, а как композитор. Первой пробой стали несколько «мультишек» и короткометражек, затем появился фильм «Три этюда Шопена», в котором Немен импровизировал на темы Шопена. Затем последовали три театральных спектакля.

Такое количество приглашений можно объяснить лишь одним: музыка Немена режиссерам нравится. И эта музыка — не одни лишь песни. Правда, в ней почти всегда можно встретить элементы, связанные с битом, блюзом и джазом. Элементы. А выстроенное из этих кирпичиков здание уже не бит и не блюз, а нечто новое, чему еще не подобрали названия. Авангард? Лирическая разновидность рок-музыки? Электроника? Ни то, ни другое, но от всего понемногу.

«Это синтез различных музыкальных жанров, в котором я использую, правда, еще несмело, фольклор. Если хотите — запишите: это романтический электронный стиль. Мне хотелось бы назвать свою музыку «новым романтизмом». Может быть, потому, что она постоянно переключается со «старым романтизмом»: с Шопеном, Чайковским, Скрябиным...»